

Vol.

Эдуард Лимонов

Старик путешествует

Individuum / Vol.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

Л58

Лимонов, Эдуард Вениаминович.

Л58 Старик путешествует / Эдуард Лимонов. —

М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 264 с. — (Vol.).

ISBN 978-5-6043606-5-1

«Что в книге? Я собрал вместе куски пейзажей, ситуации, случившиеся со мной в последнее время, всплывшие из хаоса воспоминания и вот швыряю вам, мои наследники (а это кто угодно: эки, работяги, иностранцы, гулящие девки, солдаты, полицейские, революционеры), я швыряю вам результаты». — Эдуард Лимонов

«Старик путешествует» — последняя книга, написанная Эдуардом Лимоновым. По словам автора, в ее основе «яркие вспышки сознания», освещающие его детство, годы в Париже и Нью-Йорке, недавние поездки в Италию, Францию, Испанию, Монголию, Абхазию и другие страны. Книга публикуется в авторской редакции. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка. Снимок на обложке сделан фотоавтоматом для шенгенской визы в январе 2020 года, подпись — Эдуарда Лимонова.

ББК 84(2)6

УДК 821.161.1

 individuum Vol.

© Эдуард Лимонов, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-6043606-5-1

Individuum®

Ну и намучился я с заглавием, как никогда.

В сознании возникло тёплое «старик», и я во что бы то ни стало хотел «старика» в заглавии. И пристроил-таки...

Что в книге? Я собрал вместе куски пейзажей, ситуации, случившиеся со мной в последнее время, всплывшие из хаоса воспоминания и вот швыряю вам, мои наследники (а это кто угодно: зэки, работяги, иностранцы, гулящие девки, солдаты, полицейские, революционеры), я швыряю вам результаты. Получилось неплохо. Я хотел бы наткнуться и прочитать такую книгу в ранней юности — тогда бы я серьёзнее и глубже вглядывался во всё, что я замечал в жизни. Замечал бы глубже мохнатость зелени, её буйство, неистовые глаза животных и жажду свободы в глазах женщин.

Получилось совсем не плохо. Что-то я уловил. Чего я искал, перемещаясь из страны в страну, из Монголии в Paris? Помимо смерти, поскольку очевидно, что я искал смерти.

Становится очевидным, прочитав книгу: я хотел смахнуть со стола моего сознания прошлые ощущения,

хотел полностью заменить себе сознание. Не совсем удалось. Иной раз — совсем не удалось. Прошлые ситуации и люди из моего прошлого всё же пробивались ко мне. Читая, вы увидите.

Однако я открыл вот что. Мне всё оказалось нужным. И монгольские пастухи-гаучо на мотоциклах, и дефиле устаревших французских войск на Champs-Élysée — всё оказалось нужным. Они смехотворны, эти войска, они устарели, как Франция.

И всё останется. И всё уже осталось.

Мы до сих пор сидим с тобой, Фифи, в допотопных глубинах ресторана Ma Bourgogne на Пляс де Вож — посмотри, мы же там сидим? И потребляем эскарго бургиньён. В тюрьмах я ел много каши.

Я хотел было расположить элементы книги в полном беспорядке. Не соблюдая ни хронологии, ни алфавита, не устанавливая никакой для них структуры. В моём сознании они же плавают как им заблагорассудится, хаотически. Но всё же кое-какой порядок навёл.

Сейчас вспомнил, как в Монголии лошади любят забираться неглубоко в пруд и стоят стайкой, кругом таким, голова к голове, как будто совещаются.

Автор

Действующие лица книги «Старик путешествует»

- Мёртвые, сотни их (в частности, из моих воспоминаний).
- Живые, тысячи их (в частности, сопровождавший меня отряд военных телекорреспондентов).
- Растения, насекомые (в Монголии 70 миллионов животных, крупного рогатого скота).
- Архитектурные сооружения (и обитаемые, и необитаемые).
- Леса, горы, реки, камни — возраст неизвестен.
- Состояние старика: то бодрое, то галлюцинаторное.

СССР / Город Харьков / 1946 (?) год

В детстве моим другом был маленький горбатенький Толик с веснушками на остром носу. Их семья называлась «чёрные». Они были беженцы с Кавказа, из Красной Поляны. Сам «чёрный» был печник, его жена называлась «чёрная», высокая женщина в платке, закрученном высоко на голове, — она была уборщицей. Подросток Любка (в ответ на что-то обидное, что она мне сказала, я вдруг неожиданно для самого себя выкрикнул ей: «Пиздорванка!» — и замолчал). Третий ребёнок называлась «ребёнок Надька».

Толик сам изготавливал из дерева и мелких железных пластин тележки и паровозики. В них мы и играли.

Потом мы все подросли. Любка стала красивой, Толик сделался злым. Моя мать грустно сказала: «Ему женщине хочется, а он лилипут и горбатенький». Я не был лилипут и горбатенький, но мне тоже хотелось женщину.

Так вот мы и жили. Кто ж знал, что через семьдесят лет я буду снимать квартиру в центре Москвы и жить один? Да никто.

Ваши предки, дети, жили в другом мире. Радиола пела: «Отчего, отчего, отчего гармонь поёт? / Оттого что ты идёшь по переулку». Там жили на первом прямо под нами семья «чёрных»: Толик, Любка, ребёнок Надька, сами Чёрные; две тётки Маруси: электрик дядя Саша Чепига, тётка Маруся № 1 и их сын Витька, тётка Маруся № 2, её муж дядя Ваня, их сын, не помню имени, — только детей пятеро и шестеро взрослых. Вот не помню, не то моя мать была влюблена в черноволосого дядю Ваню, не то он в неё, не то никто ни в кого не был влюблён и лишь возводилась напраслина.

СССР / Вета Волина

По виду её было видно, что она из высшей касты живых существ. Высокая, узкоплечая, носик с горбинкой. Длинноногая, быстро движущаяся, постепенно расширяющаяся к попе, она была выше меня. Гордо поставленная голова, длинная юбка.

Я с ней гулял. Мы гуляли в парке, вдоль которого шла трамвайная линия. В парке деревья ещё были небольшими, а за трамвайными колеями возвышался её дом — самый, по сути, высокий в посёлке, четырёхэтажный. Родители могли наблюдать её гуляющую. Родители её были какими-то начальниками. И отец, и мать. Ой, начальник, ключик-чайничек. Из окон её квартиры она была видна, гуляющая.

По-моему, я её целовал пару раз. А может, нет. Ещё у неё был брат. Кажется, старше её, а может, младше её, Вовка, он был толстый, и мы звали его Пуздро. В те годы толстых детей было немного.

Мы гуляли и умничали, как подобает подросткам. Обычно мы умничали в духе последней только что прочитанной книги. Ну, по мотивам.

Нет, её брат, по-моему, был младше её. Потому что мы расспрашивали его о ней. Но он не рассказывал. Вообще у них была семья, откуда ничего не доносилось.

Дом их стоял буквой «Г». У них была не то трёхкомнатная, не то четырёхкомнатная квартира на самом высоком четвёртом этаже.

В доме располагался продовольственный магазин, там вечно что-то разгружали во дворе в противнях, помню запах жареной рыбы.

Как туда затесался «Бомбей» — по воскресеньям там устраивали танцы, — понятия не имею; по всей вероятности, то, что мы считали «Бомбеем», в невыходные дни было какой-то комсомольской организацией.

Тогда говорили «ходить». Сколько я ходил с Воиной — ей-богу, не помню, скорее всего лишь весну. Как-то Володька (посему он, вероятно, всё-таки был младшим братом Веты) проговорился, что она и её подруги из десятого «Б» класса «ходят» со студентами. Я, учившийся в классе на год младше Воиной (её все так и звали — Волина), почувствовал себя малолеткой. Там у нас был у подростков всё же свой табель о рангах. В дополнение к возрастным категориям («ходить со студентами» — это уже была высшая возрастная категория, соответствующая девушке, а не девочке) была ещё категория «интересный», «интересная».

«Вета, безусловно, инте-есная девочка (“р” она не произносила), — говорила мне “французенка” Лиза — репатриировавшись из Франции, семья осела

у нас на Салтовском посёлке. — Но она не подходит тебе по возрасту, Эди». Лиза сама была интересная девочка, может быть, интереснее Веты. У них дома были на лампочках абажуры из географических карт, я ей поверил. Кто там с кем перестал встречаться, я с Волиной или она со мной, — не помню, но мы уже не гуляли вместе в парке вдоль трамвайной линии. Доходя до конца парка, мы обычно поворачивали обратно.

Родителей её я никогда не видел.

У этого четырёхэтажного здания, где жила Волина, был полукруглый угол. Если за него завернуть, то начиналась булыжником вымощенная унылая улица Поперечная. Весной и осенью её заливало грязью. Если пройти мимо двух женских общежитий (с колоннами!!!), то там почти в конце её жил я, стоял наш двухэтажный дом с двумя подъездами, немецкой постройки. Если от Веты Волиной на мою улицу не сворачивать, а пойти прямо, то асфальтовая тропинка вела в школу № 8, где все мы и учились. И вот выучились, выросли, прожили свои жизни, и мне даже неизвестно, жива ли она, Вета Волина, пожалуй, первая моя любовь, высокомерная, классом выше меня, и спокойная. Буржуазная в ту эпоху, когда ещё не было буржуазии.

Я пытаюсь вспомнить, как она выглядела тогда, — да нет, не Вета Волина, Лиза Вишневская, конфидант и товарищ.

Но ничего особо не вспоминаю. Очки, свет от лампы с абажуром из географической карты. Сигаретка в губах,

блестящий носик, блестящие (нам казалось, что грязные) волосы, самодельные штаны, босые ноги.

Любви у нас тогда не получилось, какая там любовь у семиклассников, но мальчики и девочки посёлка несли ей свои проблемы.

Жили они на первом этаже — репатрированным, им дали трёхкомнатную квартиру. Кровати и кресла Вишневские сделали себе сами из досок.

Лиза давала мне книги и угощала «сухим», как тогда называли, вином. Какие книги? Помню, что эмигрантские книги и журналы, и там печатался некто Сирина.

Отец, мать, трое детей, имя младшей не помню. Арсен потом пошёл служить в Советскую армию. Пришёл оттуда перепуганный.

Репатрианты. Как каждая волевая девушка, Лиза обзавелась подчинёнными ей подругами.

Судьба её потом сложилась трагически. В 70-м она окликнула меня в Коктебеле: «Эдуар!»

Постаревшая и измученная, на меня смотрела Лиза Вишневская, тащила за собой ребёнка.

Мы пошли, сели на песке, и она рассказала. Всё время хотела уехать во Францию. Нашла себе француза, он работал главным инженером на шахте в Кемеровской области — по-моему, на шахте. Уже паковали вещи, должны были уезжать, в один из последних рабочих дней он погиб в шахте (или если я плохо помню, то его убили). Я попал во Францию, хотя и не стремился туда попасть в 1980 году.

В их компании была ещё одна девочка — пухлогубая Люда, так та вышла замуж за футболиста, и он её избивал. К Лизе все бегали за советом, а вот сама она себе совет дать не смогла, не выпуталась.

СССР / Людка

В него долго была влюблена Людка Найдич, высокая черноглазая и черноволосая девка с Тюренки. Людка ходила с ножом, лезвие выскакивало под давлением пружины. Одета она была летом в светлый сарафан в цветочек, из-под него торчали длинные ноги в трениках. Зимой — в мужском пальто поверх. Горбоносая, она жила на Тюренке и пользовалась авторитетом. Ребята и девки её слушались.

Не то они были одноклассники, не то она даже была старше его на пару лет.

Познакомились они довольно просто. При кинотеатре «Победа» был, как тогда говорили, кружок, рассчитанный на малолетних хулиганов, которые не уезжали на лето в пионерлагеря, а оставались в городе. Для них «Победа» устраивала экскурсии под руководством энергичной комсомолки. Как-то он довольно пьяный поехал с ребятами на экскурсию, и там к нему прилипла Людка. Домой они возвращались обнявшись на заднем сиденье автобуса, потягивая из бутылки портвейн.

С тех пор Людка всячески домогалась Эда, спрашивала ребят о нём у «Победы».

Он стеснялся Людки и в конце концов стал сбегать от её влюблённых глаз. «Смотри, Эд, она тебя зарежет!» — сказал ему одноклассник Витька Головашов — он сам погиб из-за девки, но много позже, окончив танковое училище и став майором. Его хромая Ванда изменяла ему с солдатами и офицерами полка, расквартированного в Казахстане. Так он покончил самоубийством.

Агрессивная, в присутствии Эда Людка становилась кроткой и только глядела на него с обожанием, хлопая ресницами чёрных глаз.

У Людки был брат, брат был поэт и жил в Ленинграде. Возможно, её пристрастие к Эду объяснялось отчасти братом-поэтом.

Короче, если Вета Волина была в его ранней жизни ангелом, то Людка, конечно же, демоном. А может быть, и наоборот, может, и наоборот.

Людка ему всё чаще снится. Стоят под кронами деревьев на другой стороне от площади у кинотеатра «Победа», и она его о чём-то уговаривает. За её спиной — её банда: девки, пацаны вперемешку. Слушают...

А вот и знаменитый нож. Вынула. Сейчас будет им поигрывать...

СССР / На крышах поездов

Когда я был совсем молодым человеком, я часто путешествовал.

Вот как это выглядело. Приходишь на вокзал, намечаешь нужный тебе поезд (чаще всего идущий на юг), заходишь не с перрона, где посадка, а с противоположной стороны. Намечаешь подходящую тебе щель между вагонами (не все щели годились). Когда поезд трогается, вскакиваешь на ступени и затискиваешься в эту щель. А потом устраиваешься поудобнее.

Лучше влезть наверх, положить ноги на следующий вагон — и едь себе. Тогда ещё были паровозы. Поэтому угольным дымом тебя в любом случае окатывает.

Сверху видишь, что не ты один путешествуешь. Поодиночке и стайками едут на вагонах мужики. На стыках вагонов.

Только нужно следить, чтоб на поворотах тебя не сдавило.

Да и в минусовую температуру далеко не уедешь. Однажды меня и моего друга Костяна, полуживых, уговорили сойти к ним в вагон сердобольные грузинские проводницы. А то б я не писал эти строки.